
РЕЦЕНЗИИ

О. Н. ЯНИЦКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете Св. Владимира. Киев: Типография 2-й артели. 1914. 336 с.

Современному молодому историку, наверное, небезынтересно будет узнать, какой была «внеклассная научная жизнь» студентов-гуманитариев почти сто лет назад. Некоторое представление о ней дает юбилейный сборник названного кружка, посвященный итогам его десятилетней работы (1903–1912 гг.) под руководством видного киевского историка и этнографа профессора Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934).

Идея создания кружка была выдвинута Довнар-Запольским еще в 1902 г., затем был разработан его устав, который был утвержден Министром народного просвещения в сентябре 1903 г. (все даты – по старому стилю). Учредителями кружка был сам профессор, преподаватели и студенты. Всего состоялось 64 его заседания, причем если в первые годы существования кружка проводилось по 4–5 заседаний в течение учебного года, то в 1911–12 гг. их было уже по 17–19 в год. Выступали с докладами, речами и сообщениями как маститые ученые и преподаватели, так и студенты. Поначалу кружок посещали студенты и преподаватели разных факультетов, включая естественнонаучные, однако постепенно тематика суживалась, и к 10-летию юбилею это был уже вполне профессиональный кружок студентов историко-филологического факультета Императорского университета Св. Владимира.

В своей работе члены кружка широко использовали не только периодические издания того времени, например многотомную «Русскую историческую библиотеку», но также и местные источники, скажем Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Однако занимались студенты не только академической работой. Под патронатом Московского Археологического общества они выезжали на полевые работы в Тульскую и Подольскую губернии, работали в архивах городов Петербурга, Москвы и Екатеринослава. Под руководством Довнар-Запольского в 1910–11 гг. были осуществлены экскурсии в Москву «для обозрения исторических памятников и для знакомства с архивами и летом 1911 года – в Новгород на XV Археологический съезд» (с. 10). Студенты периодически выезжали на раскопки, работали в государственных архивах, в частности: в Московском главном архиве министерства иностранных дел – архиве чрезвычайно обширном, хранившем архивы (книги) отдельных российских городов, в Архиве министерства юстиции, Киевском центральном архиве. Члены кружка широко пользовались изданиями местных обществ Любителей Древности и общественных библиотек, как, например, библиотеки Общества истории и древностей в Риге, а также собственным архивом библиотеки университета Св. Владимира. В 1911 г. при кружке был основан собственный археологический музей (!). Всего за годы существования кружка в нем состояло 103 человека, многие из которых стали позже видными российскими историками – В. М. Базилевич, А. М. Гневушев, Б. Г. Курц, П. П. Смирнов, Н. Ф. Яницкий и другие. Замечу, что члены кружка не только учились и изучали, но и вполне профессионально относились к собственной деятельности. Фиксировалось членство кружка, велись протоколы заседаний, собирался его архив. Поэтому данный сборник содержит названия всех представленных на нем за десятилетие докладов и речей, а также сведения о годах вступления в него всех его 103 членов.

Тематика докладов, рефератов и сообщений была очень широкой: от вопросов философии и социологии Г. Спенсера, бытовых и философских основ славянофильства до истории научных студенческих кружков в русских университетах, от рефератов научных новинок до биографических портретов их авторов, от отчетов о летних командировках в архивы столиц и уездных городов до про-

блем экономической истории и исторической географии, от рецензий на текущую историческую и экономическую периодику до анализа взглядов на предмет и метод исторического исследования. Большое значение придавалось источниковедению, в частности, оценивались описания путешествий по России как исторический источник, анализировалась степень достоверности писцовых книг, изучались подворные переписи, исследовались возможности статистических методов в историческом исследовании и даже методологические приемы при разработке цифрового исторического материала.

Работы членов кружка периодически публиковались в виде статей в журналах и отдельных брошюр. Например, в журнале «Университетские известия» за 1904 г. вышла три статьи А. М. Гневушева «Политико-экономические взгляды гр. Н. С. Мордвинова», а в 1910–1912 гг. – целая серия статей того же автора под общим названием «Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг.». В том же журнале в 1907 г. были опубликованы три статьи Е. Д. Сташевского «Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI века». В «Трудах Рязанской ученой археологической комиссии» за 1911 г. – статья М. П. Шиманского «Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII вв. по писцовым книгам», в «Журнале министерства народного просвещения» за 1912 г. – статья Б. Г. Курца «Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII в.». Отдельными брошюрами были изданы: «Значение венчания для брака в его историческом развитии на Руси» (Киев, 1908) И. М. Альтшулера, «К истории колонизации Запорожского края» и «Новороссийская казенная школа как образовательный источник Новороссии» (Киев, 1907–1909) (?) Н. Н. Терновского. Была опубликована книга (дипломная работа) моего отца – сначала члена кружка, а потом и его ученого секретаря, – историка и географа Н. Ф. Яницкого «Экономический кризис в Новгородской области XVI века» (Киев, 1916. 300 с.), удостоенная золотой университетской медали.

Остается привести полное содержание сборника. Хотя это и было юбилейное издание, но, как увидит читатель, тематика его статей была вполне рабочей. Вот их названия и авторы: 1) Н. Ф. Яницкий. Отчет о десятилетней деятельности Кружка; 2) Е. Д. Сташевский.

К истории Смоленской войны: сбор подвод с гор. Москвы в 1632 г.; 3) Н. Л. Эрнст. Путивль и его посад в первой половине XVII века; 4) В. А. Романовский. Хозяйства монастырских крестьян Любецкой сотни в 1767 г.; 5) Т. Л. Эрнст. К раскопкам у памятника св. Ирины; 6) А. М. Гневушев. Сибирские города в Смутное время; 7) Н. Ф. Яницкий. Северно-русская часовня в конце XVII века; 8) В. М. Базилевич. Из истории московско-крымских отношений в XVII веке; 9) Н. Д. Полонская. Страничка из истории кабацкого дела XVII века; 10) О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI века; 11) М. А. Посникова. К истории землевладения Новодевичьего монастыря в конце XVI века; 12) Г. М. Белоцерковский. Боровская «разборная» десятина 1622 г.; 13) Ф. В. Клименко. Из истории финансового строя города Дубно; 14) П. П. Смирнов. Заметка к истории города Костромы; 15) В. С. Оголевец. К вопросу о древнерусской торговле; 16) В. А. Кордт. Донесение И. де-Родеса, посланное из Москвы шведскому генерал-губернатору в Риге, графу Густаву Горну, 20 октября 1652 г. и 17) Б. Г. Курц. Город Верхотурье в XVII веке.

Дадим краткое резюме некоторых статей, представляющих, на мой взгляд, попытки комплексного подхода к событиям российской истории.

Последствия экстраординарных налогов – вещь всегда интересная, поскольку «мобилизационный период» когда-то кончается, а его легальные последствия остаются надолго, если не навсегда. Е. Д. Сташевский исследовал группу чрезвычайных налогов 1632 г., объединенных под общим названием «Сбор даточных людей с подводами и лошадьми» (с. 13–55). Норма: «с каждых 30 сажень круглых, находящихся под дворами, брались лошадь с телегой и человеком». Относительно последних было ясно, что лошади требовались «добрые», «телеги бы заделаны накрепко, с запасными колесами и осями», люди бы были (с)рослые и не старые», а вот с определением размера участка (двора) возникли большие сложности. Во-первых, как выяснил автор, оказалось, что «дворовую роспись по присланным писцовым книгам сделать нельзя», так как они писаны давно, к тому же определить, «сколько под ними по мере сажень вдоль и поперек и против того круглых сажень» (с. 15), оказалось трудноразрешимой проблемой. Автор был вынужден провести

специальное исследование, что такое «круглая сажень» и каковы правила измерения ею (с. 26–37), поскольку от них существенно зависел размер взимаемого налога. В жизни же происходило то, что и происходит поныне: сборщики трактовали очень приблизительную методику сбора налога в сторону его увеличения, а владельцы дворов, соединяя их «под один верх», – в сторону уменьшения. Пришлось издавать новый указ: производить вычисление площадей отдельных дворов в дробных сажнях, а потом сводить их в «круглые» (с. 36).

Как всегда, были и исключения: патриарх и его слобожане, церковные причетники, наряженные в поход и лица, исполнявшие государевы поручения, от данного налога освобождались (с. 43). Интереснее другое. Росписи для сбора подвод и людей, наравне с писцовыми книгами и записными книгами Земского приказа, могли служить документами на право владения подворной собственностью, чем и объясняется успешность сбора данного налога (с. 54–55).

«Смутное время» у нас ассоциируется с московским ареалом. Почему же одного из молодых авторов заинтересовали сибирские города того времени (статья А. М. Гневушева, с. 111–122)? Московское правительство, колонизируя земли за Уральским хребтом, было заинтересовано не в их заселении (людей и в центре не хватало), а, прежде всего, в обогащении государственной казны драгоценным товаром – мехами. Чтобы держать инородцев в подчинении и собирать ясак, нужны были городки и острожки. Но их служилый люд надо было кормить, а на местах хлебопашцев не было. Правительство обложило население ближайших к Уралу местностей особым налогом («сибирский хлеб»): зерно должны были свозить в Верхотурье – своего рода «сибирский завоз». Но он всегда запаздывал, обрекая служилых на голодание. Привлечение к хлебопашеству местных инородцев также не дало желаемых результатов, тем более, что продвигавшаяся на восток колонизация требовала все больше хлеба. «Инородцы чрезвычайно тяготились наложенной на них государственной пашней». Как явствует из челобитной татар Туборинской волости 1599 г., они просили, чтобы лучше «их обложили ясаком соболями “чем государь пожалует”» (с. 113).

«Русское пашенное население, незначительное по количеству и озабоченное интересами самосохранения, не могло еще сблизиться с

инородцами, а служилые люди невольно рассматривались инородцами как враги... в общем это были две совершенно различные группы населения, и известия о московской разрухе различно отразились в их сознании». Обособленность «русского населения от населения инородческого, необходимость постоянно держаться начеку, и общее чувство того, что немногочисленное русское население окружено в этом далеком краю враждебно настроенными инородцами, и привели к тому, что русское население сибирских городов старалось всячески скрывать те чувства опасения и то недовольство, которое могло возникать у них под влиянием известий о русской смуте» (с. 114). В свою очередь, известия о «разрухе московского государства проникли в инородческую среду и возбудили у них надежду на возможность свержения русского владычества» (с. 122).

Перепись часовен в конце XVII века (статья Н. Ф. Яницкого, с. 123–143) – не слишком ли это экзотический вид статистики, даже на современный взгляд? Нет, скорее, это анализ микромира жизни русского крестьянина. Как выясняется, причины постройки часовен были в своей основе, прежде всего, экономические – падеж скота и лошадей, а также хлебный недород (с. 130). Гибли хлеба от червя – крестьянин ставил часовню; бывали неурожаи, случались болезни, заморозки, град, засуха, а главное, эпидемии скота, которые тогда случались каждые 2–4 года, – «на все северный крестьянин отвечал постройкой часовни, желая выпросить себе у Бога прекращение того или иного бедствия». Традиционная ментальность проявлялась в посвящении часовен «во имя»: Николая Чудотворца, пользовавшегося всеобщей любовью народа, Флора и Лавра, считавшимися покровителями лошадей, великомученика Георгия, покровителя земледелия и скотоводства, и Ильи Пророка, могущего низводить дождь и ведро (с. 134, 134).

Другим крайне интересным моментом является экономическая функция часовен: не столько накапливаемое ими собственно церковное имущество, сколько «общемирские дела» – земля, сенокосы, денежная казна, всякого рода кредитные операции (кабалы, закладные, купчие и т. п.). Хотя часовенные сборы были невелики, как выяснилось, суммы закладных, кабал и купчий – значительными. Это свидетельствует о том, что часовня севера Руси, путем рачительного обращения с деньгами и иными ресурсами, как церкви

и монастыри, была кредитным учреждением (с. 137, 140). Именно эти ее экономическая самостоятельность и культурная значимость объясняли, по мысли автора, стремление высшей церковной власти к ограничению свободы земского мира и, прежде всего, лишение его права выбора священника.

Для нашего «линейного времени» детальное статистическое описание кризиса (распада, запустения) некогда большого процветающего города – редкость. Тем интереснее статья О. Ф. Терешкевич (с. 178–227), где сведения о таком процессе в Великом Новгороде второй половины XVI века даны в динамике за 35 лет (1549–1584 гг.), из чего можно заключить, что волны исхода повторялись каждые 3–5 лет. Писцовые книги, изученные автором, свидетельствуют, что «опись идет по улицам, перечисляет дворы и места дворовые, указывает живущее и пустое, тяглое и нетяглое, указывает кому принадлежит усадьба, какого она размера», формы и год выбытия из тягла домохозяев (с. 179). Покидало Великий Новгород в основном экономически активное население: «при 17,2 % [оставшихся] жилых усадьбах (речь идет о Софийской стороне города. – О. Я.), мы имеем 82,8 % пустых... при 5,2 % живущих дворов тяглых 94,8 % пустых» (с. 183).

Причины выбытия статистически ранжированы по 18 пунктам: «обнищав сошли», «постригся», «живут в других тягловых дворах», «сошли безвестно», «в стрельцах и пушкарях», «взяты в Москву», «взяты в казенные кузнецы», «обнищав, живет в чужом дворе», «обнищав скитаются» (наибольший процент. – О. Я.), «стал в Государевы борашни», «взят к Государю в мастера», «обнищав, живет в монастыре», «убит немцами», «памятухов нет» и др. (с. 192). Писцовые книги дают также подушную информацию о тех, кто еще остался, например (по Торговой Стороне), кожевников – 204, сапожников – 86, кузнецов – 40, пастухов – 4, рыбный ловец – 1 и т. д. (с. 217) – всего упоминается более 115 специальностей!

Автор заключает, что ближайшей причиной запустения города в то время «надо считать увеличение податей» в условиях упадка торговли (с. 220). От себя добавлю, что сам механизм упадка был сходен с современным: экономический кризис города – уход населения – запустение хозяйств, распад городской инфраструктуры, антисанитария – голод, болезни, эпидемии – новая волна исхода и т. д.